

Свобода воли...

...неприемлима!

...не мешай...

Никто не может

...коррозия

Занимайся своим...

Ложь

...информация

Все люди...

ALEX YA

18+

...запрещена!

ПЯТЬ ПРИЧИН ОСТАТЬСЯ

Alex Ya

Пять причин остаться

<https://litres.ru/74288697>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дорогой читатель!

Перед вами книга, на создание которой ушло четыре года бережного труда. Каждый сюжетный поворот, каждый диалог и самая крошечная деталь здесь проработаны до предела. Эти герои за годы работы стали по-настоящему дороги автору, и сегодня пришло время доверить их вам.

Здесь не будет привычной аннотации. Ни одного сюжетного хода, ни одного имени и ни одной зацепки не будет раскрыто заранее. Эта книга написана так, чтобы вы открывали её мир вслепую — шаг за шагом, в том же самом темпе, в котором его познаёт главная героиня. Любой намёк здесь станет спойлером и разрушит ту чистую, первозданную интригу, которая выстраивалась годами.

Это игра на доверие между автором и читателем. Переверните первую страницу, доверьтесь тексту и пройдите этот путь от начала и до конца. Всё прояснится само собой. Но только тогда, когда придёт время.

Добро пожаловать в историю.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Alex Ya

Пять причин остаться

Глава 1

What I've felt, what I've known
Never shined through in what I've shown
Never be, never see
Won't see what might have been
What I've felt, what I've known
Never shined through in what I've shown
Never free, never me
So I dub thee "Unforgiven"

James Hetfield, Metallica, «The Unforgiven»

Виктория сидела на кухне в предрассветных сумерках, обхватив ладонями остывающую кружку с любимым кофе. Смена в реанимации закончилась два часа назад, но перед глазами всё ещё стояли лица людей, вырванных из лап чужой глупости и жестокости. Ноющая, острая боль в сосках — этот проклятый предвестник пременопаузы — казалась ничтожной по сравнению с той глухой, свинцовой тяжестью, что давила на плечи после прочтения ещё и новостей за день.

Мир вокруг сходил с ума от войн, лжи и абсурда. Люди уничтожали друг друга просто за то, что они были "другими".

В памяти всплыл старый разговор с сыновьями. Когда они, будучи совсем маленькими, спросили, почему все люди на земле равны, Вика не нашлась, как объяснить это по-научному, и просто показала на дворовых котов. Кошки ведь бывают разными: белые, черные, рыжие, пушистые, лысые. Но людям же не приходит в голову ненавидеть и уничтожать, например, только рыжих кошек просто за то, что они рыжие? Это же абсурд, чушь. С людьми всё точно так же. Тогда мальчишки всё поняли за минуту. Но взрослые люди, развязавшие очередную бойню на планете, этой простой кошачьей логики так и не усвоили.

Вика поднялась, чтобы разогреть уже совсем остывший напиток, и мимоходом взглянула в тёмное стекло кухонного окна, ловя своё отражение. На неё смотрела женщина, не слишком красивая, но притягательная. Этого магнетизма не могли стереть ни усталость, ни годы.

Невысокая, с тяжёлыми каштановыми волосами, в которых уже отчётливо серебрились нити седины — её личные шрамы от прожитых лет. На коже лица цвета фарфора выделялись густые, чётко очерченные брови и пухлые чувственные губы, созданные для поцелуев, которых она давно не получала. Но главными были глаза - угольно-чёрные, с глубоким, пронзительным взглядом, способным видеть людей на-

сквозь. Тонкий домашний костюм инфантильного розового цвета обтягивал её фигуру: классические «песочные часы», а небольшой лишний вес делал её линии округлыми, женственными и манящими.

Из соседней комнаты донеслось приглушённое покашливание мужа. Александр снова соврал ей вчера в какой-то нелепой мелочи, и эта мелкая домашняя коррозия лишь подчёркивала глобальный тупик, в котором они оказались. Саша всегда был её главным ориентиром. Высокий статный блондин со спокойным взглядом оливковых глаз — в свои сорок пять он сохранил ту породистую мужскую привлекательность, в которую Вика влюбилась больше двадцати лет назад. Но по-настоящему её всегда покорял его невероятно острый, математический ум и тонкое чувство юмора. Это было бесценное качество: Саша умел одной короткой, точной шуткой разрядить самый тяжёлый семейный кризис, заставляя её смеяться до слёз даже тогда, когда хотелось плакать. А по вечерам, когда они оставались вдвоём, он иногда пел — у него был потрясающий, бархатный баритон, от звуков которого у Вики до сих пор замирало сердце. Теперь он пел значительно реже.

Он был её лучшим другом. И от этого пустяковая ложь ранила ещё сильнее: зачем человеку с таким масштабом личности опускаться до банального вранья? Почему из их жизни ушла былая страсть, оставив только глухую стену? Вика чувствовала себя узницей — в этой глуши, в этих новостях,

в этом браке, в этом мире!

Она повернулась к гудящему домашнему принтеру. Из лотка медленно выползал плотный лист с ровными рядами закладок. «Свобода воли неприкосновенна. Ложь — это коррозия. Займись своим делом...» — прочитала она свои же строчки. Это был её крошечный, наивный бунт против безумия целого человечества.

Вика закрыла глаза, и её тут же захлестнуло эхо прошедших суток. Стены кухни до сих пор казались пропитанными запахом хлорки и лекарств. Всё началось вчера утром, когда в отделение детской реанимации одного за другим начали привозить подростков — жертв внезапной, бессмысленной вспышки жестокости в одной из загородных школ. Весь день Вика не отходила от коек, слушая в коридоре приглушённый плач педагогов и родителей. Ей хотелось выйти и спросить их: «Чему вы удивляетесь? Разве не вы годами учили этих детей послушанию и винтикам в системе, вместо того чтобы просто научить их чувствовать чужую боль? Разве не вы закрывали глаза на тихую травлю, потому что так было удобнее для отчётов?»

А ближе к вечеру на соседний стол положили тринадцатилетнюю девочку, которую тихим майским вечером на пешеходном переходе сбил огромный чёрный внедорожник. Вика до сих пор видела перед глазами его водителя, сидевшего в приённом отделении — холёного, пахнущего дорогим алкоголем мужчину, который лениво листал ленту в телефоне,

пока рядом суетился адвокат. Вика слишком долго работала в медицине, чтобы не знать, как это кончится: пара звонков, нужные подписи на экспертизах — и человек выйдет сухим из воды, тогда как девочка навсегда останется инвалидом.

Вика открыла глаза, глядя на сизый рассвет за окном. Мир вокруг казался ей огромным, тяжело больным организмом, где безнаказанность стала нормой, а пустяковая ложь её Александра здесь, дома, была лишь частью этой же все-ленской коррозии.

Вика аккуратно разрежала лист, бережно спрятала закладки в сумку и вышла из кухни в коридор. Из детской доносилось тихое сопение младшего, а из спальни — привычный родной храп Саши. Она замерла у двери, и сердце сжалось от острой, пронзительной нежности. Она любила их. Любила всем сердцем. Саша был её второй половинкой, человеком, с которым было пройдено столько дорог, что они стали почти единым целым. Дети были её смыслом и надеждой. Но, глядя на этот мирный, спящий дом, Вика с ужасом понимала: этой огромной любви больше недостаточно, чтобы быть счастливой. Чувство не спасало её от свинцовой тяжести мировых новостей, от коррозии недоверия, от ощущения, что её собственная женская суть медленно умирает, превращаясь в функцию.

Навалившаяся духота стала невыносимой. Чтобы не сойти с ума от этих мыслей, Вика тихо, стараясь не скрипеть половицами, взяла ключи от машины. Ей нужно было просто

проехаться по пустой утренней трассе, поймать лицом свежий майский ветер и вернуть себе саму себя — хотя бы на полчаса.

Натянув старые, удобные и вдрызг стоптанные кроссовки, она замерла в дверях и обернулась, разглядывая семейное гнездо. Это был небольшой одноэтажный дом в типичном садовом товариществе: две комнаты, кухня и потрясающая веранда, где каждый погожий вечер играли солнечные зайчики от старого витражного остекления. Здание обветшало и требовало ремонта, как и вся Викина жизнь, но от этого не становилось менее дорогим. Здесь прошли самые счастливые и несчастливые годы её семьи.

На пороге её встретил цветущий плодовый сад. В это время года он был упоительно хорош — яблони, груши, сирень и чубушник наполняли рассветный воздух густым ароматом. Чуть позже на широких клумбах, разбитых Сашей, зацветут её любимые ирисы и лилейники. Вика могла бы наслаждаться этим местом каждую минуту, если бы не вездесущие комары.

Она вышла за калитку, села в старенькую машину, завела мотор и поехала прочь, навстречу встающему солнцу, совершенно не подозревая, что этот туманный загородный рассвет навсегда разделит её жизнь на «до» и «после»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.